

Оскар Грэфу надо встряхнуться и вспомнить о трезвом и здоровом революционном реализме. Вот путь, который он должен выбрать.

И. Мар.

Ш. Ф. РАМЮЗ

(К пятидесятилетию со дня рождения)

Ш. Ф. Рамюз — враг всего, что так или иначе напоминает рекламу. В этом отношении он похож на Эме Паша — героя одного из своих первых романов: «К чему слава? Разве недостаточно любить?»

В продолжение десяти лет Рамюз жил в Париже, и никто его не знал. Ежегодно он выпускал по книге, но эти книги оставались незамеченными. Он предоставлял им самим прокладывать себе дорогу.

Рамюз говорит, что хорошая книга может не иметь больших тиражей — и все же, несмотря ни на что, она придет к своему читателю: она переходит из рук в руки и наконец находит своих друзей.

Многие считают, что Рамюз написал около десятка книг, для других он всего-навсего либреттист «Свадьбы» Игоря Стравинского и автор «Истории одного солдата», для которой тот же Стравинский написал музыку.

«Война в Оберланде» (*La Guerre dans le Haut-Pays*), «Право на существование» (*Raison d'être*), «Великая Весна» (*Le Grand Printemps*), «Крестьянское приветствие» (*Salutation paysanne*), «Присутствие смерти» (*Presence de la Mort*), «Путь поэта» (*Passage du Poète*) — никому почти неизвестны, не говоря уже о «Рассказах и отрывках» (*Nouvelles et Morceaux*), «Жизненных обстоятельствах» (*Circonstances de la Vie*), «Жизни Самюэля Беле» (*Vie de Samuel Belet*) и об «Эме Паше, вальденском живописце» (*Aimé Pache, peintre valdois*), которых совершенно невозможно найти.

В особенности приходится пожалеть, что так мало знают о таких его произведениях, как «Право на существование», «Песня нашей Роны» (*Chant de notre Rhône*), «Великая Весна», в которых Рамюз выявляет свое эстетическое кредо, или о «Пути поэта» — чудесной поэме в прозе, «Разделении рас» (*La Separation des Races*) и «Царстве Лукавого» (*Le Regne de l'Esprit malin*). И еще печальнее, что так много людей, принимающих близко к сердцу всякое проявление современной литературы, не держали в руках «Любовь мира» (*L'Amour du Monde*), которая без сомнения является наиболее современным среди современных французских романов. В этой книге Рамюз более чем где-либо является новатором, сохраняя в то же

время восхитительную простоту, придающую трогательное очарование всем его произведениям.

Он взялся за перо четверть века тому назад. Первый томик — совсем маленький — «Деревушка» (*Le Petit Village*) — сборник поэм, по форме напоминающих, пожалуй, Франсиса Жамма, но только по форме, потому что в них не дана аффектация чувств, а настоящее аффектирующее чувство. Этой «Деревушке» далеко до «Прекрасного на земле» (*La Beauté sur la Terre*) или до «Любви мира». Впрочем, так ли уж далеко?

Разве дух его произведений не всегда один и тот же? Он с самого начала пошел по своему пути и еще ни разу с него не сбился. Здание растет, совершенствуется. И какое прекрасное в нем неразрывное единство...

Это необычайное единство прежде всего поражает в произведениях Рамюза. Этому единству он обязан своей силой, своим странным привкусом и человечностью. С первой и до последней книги всегда одна и та же рамка, одна и та же, донельзя простая, тема: жизнь деревни. В материалистическом романе Золя, в романе реалистической школы, в психологическом романе Бурже и его последователей было что-то ненастоящее. Их герои не давались, а изображались. Между читателем и писателем всегда лежала книга. Рамюз, со своим непосредственным искусством, со своим необработанным, невзрачным изложением, — один из тех немногих писателей, которые умеют заставлять чувствовать жизнь и забывать, что это достигается посредством книги. Лишь только книга открыта — ее герои уже подле нас. Мы сейчас же вступаем в непосредственное общение с ними, и хотя мы продолжаем перелистывать страницы, перед нами нет никакой книги. Перед нами — деревня, журчит фонтан, и мы слышим его журчание, люди в кофейне беседуют, покуривая трубки, и мы видим их сквозь табачный дым. Грэн выпил лишнего и спотыкается на каждом шагу. Мы слышим его топотание. Одним словом Рамюз — один из тех немногих писателей, которые могут передавать полное впечатление действительности.

Эту деревушку и ее постоянных гостей, суровых и домоседливых, ее фруктовые сады и поля, усеянные клевером и люцерной, описывает он в пятнадцати романах и бесчисленных рассказах и повеллах. Только в первом его романе «Жизненные обстоятельства» говорится о жизни маленького буржуазного городка; другой («Эме Паш, вальденский живописец») переносит нас в Париж. Но мысль о деревне никогда не покидает писателя. В первом мы видим нотариуса Маньяна, оторванного

от сельской жизни: он понял, как он ошибся, когда последовал за обманувшей и насмевшейся над ним женщиной. А Паш снова возвращается в покинутую им страну.

И как Паш осознает вдали от родины те корни, которыми он к ней привязан, так и Рамюз вернется к своей деревне. Как Паш будет он искать в ней вдохновения для своих произведений. «Я познал себя в Париже и благодаря Парижу», признается Рамюз.

Действительно, после возвращения на родину его произведения становятся более определенными. Он стремится изображать не живописную местность, а расу, потому что он не является провинциальным писателем. Деревня, которую он описывает, повсеместна. Ее реальность не временна, а более глубока, и жители ее, помимо различий, порождаемых средой, близки всем другим людям.

Р. К.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПРЕМИИ

Любая буржуазная страна ежегодно присуждает ряд премий за литературные произведения. Это обыкновение является одним из способов регулировать литературный процесс. Утверждаются так сказать официально литературные стандарты, нормы вкуса. История любой премии является отражением развития буржуазной литературы в данный период.

Премия Гонкуров — крупнейшая французская премия. Она присуждается с 1903 года, и с тех пор немало интереснейших произведений буржуазной литературы было отмечено ею. Но чем дальше, тем больше премия Гонкуров превращается в премию пошлости. Времена, когда «Огонь» Барбюса, «Цивилизация» Дюамеля или роман Пруста были премированы, кажутся теперь давно прошедшими. Со всей полнотой и убедительностью отражает премия Гонкуров эпоху безвременья и оскудения буржуазной литературы. Пошлость не только торжествует, но еще увенчивается премией, которая носит почетное имя Гонкуров, крупнейших реалистических художников Франции второй половины XIX века.

В 1922 году премия была дана А н р и Б е р о за глупый, нелепый и пошлый роман «Страдания толстяка».

В 1926 году премию получил Д ю б е р л и за «Муки Федры» — роман, в котором даже самые снисходительные критики не могли найти чего-либо заслуживающего интереса.

В прошлом году М о р и с Б е д е л ь получил премию за сверхопшлый, тупой и ничтожный роман «Жером на 60° северной широты».

Кажется нельзя было пасть ниже. Стало уже обыкновением недоуменно разводить руками при каждом новом приговоре гонкуровского жюри. В самом деле что спросить с десяти одряхлевших старцев, составляющих некогда знаменитую Академию Гонкуров!

И вот 1928 год приносит неожиданное разочарование. Премия Гонкуров присуждена М о р и с у К о н с т а н т е н - В е й е р у за роман «Человек склоняется к своему прошлому».

Вейер — автор ряда книг: «Шквал», «Манитоба», «Пять осколков кремня», «Кавалер де-ля Салль». Все эти книги посвящены Канаде.

В «Кавалере» Вейер обращается к героической эпохе первых колонизаторов Канады. Быт, атмосферу суровой и поразительной эпохи он восстанавливает с огромной яркостью и убедительностью. Но что больше всего близким и доступным оказалось нашему художнику — это дух авантюризма, хищное любопытство эпохи великих открытий, жадная воля к действию. Вот что увлекательнее всего рассказано в похождениях кавалера де-ля Салль. Это — подлинная стихия Вейера. В этой книге раскрылся с большой выразительностью здоровый оптимистический реализм этого писателя послевоенной Франции, столь непохожего на окружающую его французскую литературную действительность.

Вейер любит о ч е р к простой, необычайно сжатый и точный, воспроизводящий действительность с фотографической ясностью. Здесь в Вейере говорит газетная выючка, полученная им во время американских скитаний. Такова «Манитоба», книга очерков, воспроизводящих картины природы и быта одной из центральных областей Канады.

Вейер любит к о р о т к и й, ударный, лаконичный р а с с к а з с резко очерченной сюжетной структурой, — рассказ, в котором поразительная острота зрения сочетается с естественной, здоровой простотой. Таковы «Пять ударов кремня» — книга, в котором Вейер рассказывает о дикой и великолепной природе канадских равнин, о жестокой, зверской борьбе за существование, развертывающейся в холодных снежных пустынях, о людях своеобразных, простых и мощных, являющихся героями маленьких драм его книги.

Совершенно изумительны у Вейера описания природы. Художника отличает глубочайшая, чисто стихийная близость к природе. Отсюда поразительная тонкость его наблюдений, ясность и чистота творческого зрения. Здесь напрашивается естественная параллель с русским писателем Пришвиным, который также с огромным проникновением описывает жизнь природы.